

Вацлав Ластовский
ЛАБИРИНТЫ

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ •
ФАНТАСТИКА

XXXIX

Leo
2017

Вацлав Ластовский

ЛАБИРИНТЫ

Сборник фантастических
произведений

Лабиринты

I.

Уже несколько лет у меня стало обычаем выезжать на неделю-две в какой-нибудь закуток Беларуси для изучения родной старины. Меня давно манил к себе седовласый Полоцк своим романтическим прошлым, уходящим в легендарные времена. И в этом году я решил пару свободных летних недель провести в Полоцке. Моё намерение подкрепило письмо, полученное из Полоцка от тамошнего археолога-любителя Ивана Ивановича, который сообщил, что у него образовался кружок любителей старины из местных жителей.

«В наших вечерних свободных беседах и вправду оживают прошлые века в сказках, легендах и фантазиях...» — писал он мне в своём письме. Вечером того же дня в Вильно я сел в поезд, а на другой день утром уже шёл старыми улицами Полоцка, подыскивая гостиницу.

Днём побывал у Ивана Ивановича, где осматривал интересные изразцы и металлические бляшки из раскопок в древней княжеской усадьбе в Бельчицах. Познакомился там с двумя участниками, как они сами говорили, «Археологического вольного братства». Один из них был местный чиновник, обрусевший немец, которого я знал по брошюре, написанной им когда-то, в пору модного и полезного для чиновничьей карьеры русификаторства. В той брошюре он доказывал, что по-русски надо писать не «Полоцк», а «Полотск» и, что якобы такое изменение древнего названия позволит достичь «обрусения края». После той брошюры в местной российской писанине завёлся хаос: некоторые начали и вправду писать «Полотск», «полотский» и т.д., а другие пошли ещё дальше и писали «Полотеск». Впрочем, консерваторы и местные жители остались при старом названии.

При нынешнем, личном знакомстве я узнал, что он уже 40 лет собирает материалы и документы краевой истории, что у него две комнаты битком набиты этими материалами, среди

которых есть бесценные вещи.

Второй был бывший местный помещик, который оставил хозяйство, распродал землю и теперь жил в Полоцке в своём собственном домике с садом на собственные средства. У его отца были какие-то близкие отношения с васильянами, а он сам интересовался главным образом демонологией, кабалистикой и т.п. Имел, как зарекомендовал мне его Иван Иванович, у себя «чернокнижную библиотеку», которую никому не показывал и не давал читать. Знал он еврейский язык и время от времени заходил в жидовскую синагогу подискутировать.

И мы условились встретиться все вместе с этими, а кроме того и с другими участниками «вольного братства» на квартире у Ивана Ивановича.

Вечером прибыло ещё двое. Местный полоцкий мещанин Григор Н., молчаливый, седоусый старец, который упорно говорил только по-белорусски, а иногда притворялся, что не понимает некоторых слов по-русски и, несколько раз переспросив, повторял слово в переводе на белорусский, с особым ударением. Мне его отрекомендовали, как Подземного человека, он изучал различные легенды о подземных ходах и чудесах, сокрытых в них, и умел рассказывать об этом с поражающим реализмом, но, заключая, всегда уточнял: «Да рассказывают, но кто знает, есть ли в этом хоть капля правды».

И, наконец, последним участником «братства» был средних лет учитель городской школы, который интересовался главным образом историей кривичей до принятия ими христианства.

Перезнакомившись, расселись мы за столом в удобных креслах, глубоких и мягких, с широкими подлокотниками. На столе весело шумел самовар, и красовалась бутылка, покрытая пылью и плесенью, с водкой «Старка». На тарелках соблазнительно были разложены всякого сорта копчёности: окорок, зельц, колбасы, которым нет равных в мире, если они

приготовлены по старинным рецептам руками белорусских домовитых женщин.

После второй-третьей рюмки Подземный человек подвинулся ко мне и стал доказывать, что гора, на которой стоит Верхний замок — насыпная. Что первоначально это была могила знаменитого властелина всей прибалтийской «ратайской» Скифии, а позже её увеличили, и там стояла божница, посвящённая Деве-Солнцу, которую чтили здесь в виде огненной птицы с девичьей головой. При этом он достал из кармана и подал мне бронзовую подвеску со стилизованным рисунком, очень примечательного, но невиданного мной доселе стиля. На одной стороне подвески был змеевик, а на другой Дева-Солнце — фигура птицы с человеческой головой, окружённой ореолом.

— Такие подвески в старину часто находили у горы, а эту я сам нашёл в песочке.

В наш разговор вмешался учитель, который сказал:

— Я вижу, что вас удивляет необычный стиль подвески. И я уверен, вы думаете — вот какой грубый примитив! Люди хотели что-то сотворить, но не смогли овладеть техникой, и сделали лишь тень подобия реальных змей. Вот как раз в этом кроется наше самое грубое непонимание старины. Проследите за развитием искусства в Греции: там после грубо реалистичных скульптур Фидия и его современников, после вульгарного классицизма наступает период поздний — византийский. Стиль византийский — это не упадок искусства, а его высшая степень. Первый период принадлежит, как и в развитии религии, к боготворению природы, второй — к изменению природы по своему замыслу и желанию.

В первом периоде человек не уверен в своих духовных силах, и ему кажется, что зверь не только физически, но и духовно сильнее, звериный мир восхищает, человек его обожествляет. А потому охотно украшает свою голову бычьими рогами, тело покрывает медвежьими шкурами или

рисует на нём подобию почитаемых зверей и гадов. А по ходу развития культуры человек познаёт самого себя и выше ценит свои духовные силы. Вместе с бычьими рогами он сбрасывает с себя и обожествление реальных форм в искусстве. Начинает сам творить несуществующие формы, устанавливает каноны искусства. Византийское искусство — это искусство более высокой формации, чем греческий классицизм, ибо оно не натуралистичное, а каноническое. То, что мы видим в Греции, повторяется везде, где только цивилизация доходила до высших ступеней: и в Ассирии, и Вавилоне, и в Египте, Индии, Китае и Японии...

Эта подвеска свидетельствует, что и мы, на этой земле, в этом краю, пережили расцвет собственной высокой культуры, которая погибла, которой останки очень редкие, являются лишь тайными знаками, доступные редким, я бы сказал, посвящённым людям. Наше несчастье в том, что в нашем краю нет пригодного для строительства камня или подходящих минералов. По этой причине единственный, подходящий для построек материал — дерево, наши художественные сооружения были деревянные, недолговечные. Наши письменные памятники не на камнях вырубались, а на бересте вырезались, они истлели или сгорели. Скажите, если бы в Египте, Индии, Вавилоне была деревянная культура, то знали бы мы нынче что-то о ней? Нет.

— Вы правы, — сказал помещик. — Наши предки пережили стадию высокой культуры. Как довод могу привести, что до сих пор среди нашего простого народа, который полтысячи лет ходит в чужом ярме, до сих пор имеются собственные названия важнейших небесных знаков. Например, звезду Венеру и сегодня крестьяне называют Чагир. Под названием Чагир фигурирует Венера в Супрасльском календаре XVIII века, где о ней говорится: «Звезда Чагир между всеми звёздами 10 мест в каждом месяце имеет, и трижды приходит на каждое место каждого месяца». Большую Медведицу

называют Стожарами. Плеяды — Ситцем, или Утиным Гнездом. Орионов пояс — Кигачами. Три звезды около Млечного Пути называют Пряхами, или Железный Обруч: в голове Млечного Пути знают Касьбитов, а сам Млечный Путь называют Войсковым Станом. Названий этих сохранилось много. А что это значит? Это значит, что было когда-то время, когда у нас процветала астрология, глубокое знание которой было привилегией учёных, но также, видимо, были знания доступные всем сословиям.

Тут его прервал старый чиновник, говоря:

— В моём собрании есть свитки, писанные на бересте непонятными знаками, похожими на руническое письмо. И у меня есть основания утверждать, что так называемые ятвяги были не отдельным племенем, как ошибочно утверждают, а это было название класса посвящённых языческих времен. Звездочёты и звездоведы, а по-нынешнему астрономы, были классом посвящённых жрецов, духовников. Обратите внимание на схожесть понятий, вложенных в слова «ятвяг» и «жрец». Там и тут в образовании слов понятия из еды. Выйдете из этой комнаты на рынок и спросите, где продается еда. Всяк вам ответит — в «ятках». В старопольском языке жертва называется «objata» — опять же в этом слове есть корень, обозначающий еду. Наш крестьянин до сих пор называет приготовленное блюдо — «ятво», а славенское — «яство», «яства». Поляки называют ятвягов — «jadzwingowie». И в этом слове тоже корень — «яд», «яда—еда».

В давние времена между словами «ятвяг» и «жрец» была такая же большая разница, как в нынешнем нашем понимании между словами «священник» и «жрец». Для воюющего, изничтожающего всё языческое христианства, все носители старой веры: и священники, и грубые шаманы, и ворожеи — были одинаково презренными жрецами. Эта староверная, высокой культуры интеллигенция брезговала бороться с варварской новой верой и укрылась в глухих пущах на

пограничье староверной и единоверной с ними Литвы. О том, как их выслеживали там, истребляя ежегодно, сжигая постройки и вырезая людей, свидетельствуют российские и польские летописцы. И можно сказать, когда погибли ятвяги, погибла и прежняя дохристианская наша культура.

Здесь опять взял слово Подземный человек:

— Не знаю я, как звали тех посвящённых волхвов дохристианских времён. А то, что они занимались астрономией — это точно. Может, вы знаете про Богинское озеро? Интересное место! Там полно теней и звуков старой жизни. На озере есть полуостров Богино, а потому Богино, что там были знаменитые божницы. В конце озера находятся волотовки — курганы бронзового века, в песчаном урочище. Это место скорби и печали, или по—нашему «могилки», кладбище — называется Жаль-Бор. На острове, ещё до отмены барщины, был высокий курган, а на нём стояла старой веры божница с единым оконцем, в которое луч солнца попадал только ровно в полдень. Курган этот взорвали москали во время польского восстания, думали, что это какая-то крепость. Там, в Богино, в середине горы есть подземные ходы, как под Верхним замком. Прежние веды и старая культура не сгнули. Люди говорят, что под Верхним замком, за могилой неизвестного властителя спрятаны клады с богатствами великими. Говорят, направо от гробницы есть замураванный проход длиною в 60 шагов, а за ним вход в схроны со старыми книгами. Частью писаны они на дощечках, частью на берестяных свитках. Сложены книги в окованных серебром ящиках, внутри обиты кожей. А из той библиотеки вековойной есть вход в сокровищницу. Только очень страшно туда ходить.

Голос его оборвали спазмы в горле, сам он как-то свернулся в кресле, а глаза застыли, будто устремились в неведомую даль.

На момент разговор остановился, а потом понемногу перешёл на знаменитую полоцкую библиотеку, которую,

захватив Полоцк в 1572 году, искал Иван Грозный и не нашёл. Которую папа Григорий XIII поручал Пассевино найти и переслать в Рим. И все согласились, что библиотека была хорошо спрятана и до сих пор таится где-то в подземных полоцких ходах. Иван Иванович рассказал, что собственными глазами видел в старых метрических книгах, в архиве витебской лютеранской кирхи запись о том, что игумен Бельчицкого монастыря, перед осадой города Московией, собрал все монастырские сокровища и книги и переплавил вниз по Двине, чтобы сохранить всё это в подземельях Верхнего замка. Старый чиновник даже сообщил, какие книги, вероятно, имеются в сохранённой библиотеке:

— Во-первых, там летопись Полоцкого княжества, писаная рукой св. Евфросинии, истинный список «Повести временных лет». А дошедшие до наших дней копии переиначены и далеки от оригинала. Также там собственноручные писания братьев Кирилла и Мефодия, византийские хронографы и многое другое.

Помещик сказал:

— Васильяне знали, где спрятана библиотека, но боялись, что её заберут и уничтожат иезуиты, скрывали место её нахождения в секрете.

Беседа затянулась до поздней ночи.

Прощавшись, мы разошлись каждый в свою сторону.

Моя комната в гостинице была на втором этаже, и окно выходило в сад, за которым, на каменном доме, красовался оголовок трубы в форме короны. Полоцкие старожилы говорят, что в старину таких живописных дымоходов в городе было много, но со временем они вывелись, и я сожалел в душе, что родная старина исчезает. В стиле оголовка древней трубы было нечто неуловимое, что напоминало мне стиль подвески, которую показывал Подземный человек. Неужели остатки этого стиля ещё живы? Я повернул голову к окну и задумался. Передо мной, в фантазии начал расти город с огромными постройками в древнем и удивительном стиле...

II

Мой первый сон потревожил тихий стук в окно. Я вскочил с кровати и, подойдя, увидел в окне уса́тый лик Подземного человека. Он подавал знаки руками, чтобы я открыл окно, и приложил палец к губам, чтобы я не шумел.

Когда окно было открыто, он сел на подоконник, принял понюшку из серебряной табакерки и начал говорить шёпотом:

— Я давно уже знаю ход в скрытую библиотеку, но сам не ходил туда и никому не показывал, молчал, боялся, чтобы не забрали у нас и это последнее богатство. Одевайтесь, пойдем! Я взял с собой свечку, фонари и всё нужное...

Не стоит и говорить, что я быстро оделся и был готов в путь.

Мы спустились по стремянке во двор, отнесли её в сторону, положили на землю, а сами тайком выскользнули за ворота и направились в сторону Верхнего замка. Минут через 20 были на месте. На горе, в сторону Двины, тогда ещё стояли руины замковых построек, в которых до 1839 года размещался Васильянский униатский монастырь.

Говорят, что замок был разрушен лишь в 40-х годах 19-го века. Сначала, по приказу царя Николая I, с него сняли медную крышу и отправили в Петербург на строение Исаакиевского собора, а позже кто-то или ненароком, или умышленно поджёг здание. После пожара десятки лет замок разрушали силы природы. А в 1913 году российское правительство продало руины какому-то москалю-подрядчику на кирпич, и тот разобрал древнюю кладку, а кирпич сплавил по реке в Ригу.

Но когда мы входили в здание, часть его, а именно, левый угол нижнего этажа, имел ещё целые своды. В темноте склепов мы добрались до большого зала, стены которого и потолок были покрыты старыми фресками, местами осыпавшимися, местами стёртыми и ободранными. Справа,

между двух отверстий от дверей, была круглая ниша.

— Вот тут ход в подземелье, — сказал мой поводырь и начал руками отгребать насыпанный на добрых пол-аршина щебень. Совместными усилиями мы очистили дно ниши, которое было сделано в огромной каменной плите.

— Это дверь, — сказал Подземный человек и засунул в щель между камней загнутый железный прут, с усилием повернул его. Что-то глухо хрустнуло, и плита одной стороной начала опускаться вниз. Открылись витые каменные ступени, по которым мы спустились вниз при слабом свете фонаря. Когда наши головы сравнялись с концом повисшей плиты, она сама собой поднялась вверх и закрылась при помощи встроенного механизма.

— Кроме меня, из живых никто не знает об этом ходе. Ты вторым узнал о нём и передашь потомкам. Но прежде чем войти в тайные ходы, в которых наши прозорливые прадеды сохранили не только свои культурные, но и большие материальные богатства, ты должен дать обещание, принести присягу на вечную тайну, — говорил он торжественным голосом, с ударением на каждом слове.

Я выразил своё согласие, и он двинулся дальше. Мы шли минут 10 узким, с почерневшими стенами ходом, со многими поворотами, но неуклонно уходящим вниз. На одном из поворотов мой поводырь остановил меня, говоря:

— Помни, после седьмого угла есть западня.

Перед нами, на одном уровне с кирпичной дорожкой, была вправлена дубовая доска на сажень длины и во всю ширину прохода.

— Это доска на вертушке держится, кто не знает, ступит на неё и свалится в глубокую пропасть, а доска сама собой станет на место.

При этом он показал, как это происходит, нажал палкой на конец доски, и та рухнула вниз, открыв чёрное зияние скрытой пропасти. Проводник поддержал этот подвижный мост, а мне наказал вытянуть засунутую за железные скобы

со стороны каменного колодца доску, которую мы положили на мост, и перешли на другую сторону, а доску спрятали снова, с другой стороны.

Пройдя несколько шагов, мы нашли в стене низкую чёрную дверцу. Потом была подвижная стена, отодвинув которую, вошли в просторный покой, с каменными скамьями у стен и высоким фундаментом посередине. На нём стоял старинный гроб, известный ещё местами в Беларуси под названием «корст». Это толстая колода с высеченным внутри дуплом, в которое опускали покойника, сверху закрывали плашками от такой же колоды. В особо важных случаях, погребая богатых или заслуженных людей, корст покрывали смолой и «берестили», сплошь опоясывали длинными кусками бересты, как бандажом, а поверху ещё плотно закручивали просмоленными верёвками. Такие корсты сотни лет лежат в земле и не гниют. Прежде я уже видел такие колоды, как-то весной Двина подмыла старое захоронение, и вода то несла течением, то прибывала их к берегу, а крестьяне вылавливали, чтобы снова закопать в землю.

— Это корст, в котором лежит тот, кто достроил проходы, — сказал мне проводник. — Тут ты и примешь присягу, а в знак соблюдению слова поцелуешь в чело эти священные останки.

При этом он зажёг толстую, как хорошая балка, восковую свечу, стоявшую около гроба. Фитиль трещал и дымил, но постепенно разгорелся, и я увидел на гробу сделанную глаголицей надпись: «Я, Яромир, ходы эти работой многой сотворил и пять демонов мощью слов тайных на бдение вечное оставил тут. Пусть вносящего сюда пропустят, а на выносящем исполнится слово».

Мы открыли корст, и моим глазам открылся забальзамированный покойник с густой седой бородой, покрытый златотканой пеленой. Лежал он, повернувшись в правую сторону, одна рука его была под головой, другая лежала на золочёном поясе; левая нога была чуть согнута в

колене. Было похоже, что это не покойник, а заснувший старец с серо-пепельным лицом.

Подземный человек сказал мне встать в ноги, а сам встал около головы на ступеньках фундамента. От движения, когда он проходил, заколыхалось пламя свечи, и мне показалось, покойный моргнул глазами.

Среди неопишуемой тишины прозвучали торжественные слова присяги, которую читал мне проводник со свитка пергамента, взятого из-под головы покойного.

Слова были такие торжественные, заветы такие страшные, а окружение такое необычное и неожиданное, что у меня закружилась голова. Мой проводник также стал бледен и весь дрожал. Вдруг он, словно оступившись, упал вниз, и с ним подсвечник с грохотом упал на пол, свеча погасла. Воцарилась непроглядная темнота и тишина. Я стал звать его. Молчание и глухое эхо были единственным ответом на мой зов.

Мгновенно вспомнились жуткие образы из легенд и подлинных происшествий, а также тот факт, что у меня нет спичек. Я понял, что в этой немой тишине и чёрной, до боли в мозгу, темноте, после нервного потрясения нахожусь на грани потери сознания. В мозгах инстинктивно и отчаянно билась одна-единственная мысль: надо быть спокойным, надо быть спокойным! Я сознавал, что сейчас единственное спасение в сохранении спокойствия. И, как лунатик, с протянутыми вперёд руками, пошёл в сторону. Где-то там каменные сиденья.

Я присел и начал глубоко вдыхать воздух. В ушах звенела тишина, в которой тиканье часов в кармане звучало, как ритмичный ход паровой машины, а ещё глухо стучала кровь на шее и висках. Как долго я сидел — не понять, это могла быть и одна минута, и целая вечность.

Наконец решился найти своего проводника, при нём спички и фонари. Я слез с лавки и пополз на руках и коленях. Сразу нащупал кладку, на которой я недавно стоял, и пополз вокруг

неё, так как не мог сообразить, с какой стороны нахожусь. За вторым поворотом рука наткнулась на что—то мокрое и клейкое. Я подумал, что это кровь, что здесь неподалеку лежит мой проводник, и осторожно протянул руку вперёд. Сначала наткнулся на массивный металлический подсвечник, а потом на лежащее тело. Я подался ближе, нашёл запястье. Пульса не было, голова была мокрая и холодная.

В боковом кармане куртки я нащупал спички и радостно начал зажигать их, но руки были мокрые и дрожали, спички ломались и только искрили. Переломав штук десять, я спохватился, что их в коробке немного, и силой воли стал успокаивать себя. Усилие дало результат, аккуратно извлечённая спичка... загорелась, открывая жуткую картину: передо мной лежал навзничь мой проводник с разбитой и окровавленной головой. От правого глаза до уха зияла страшная кровавая рана. Спичка догорела и погасла. Тут я заметил, что кроме спичек, у меня больше нет ничего. Куда проводник поставил свой фонарь, я не заметил.

Спичек было всего лишь несколько в коробке, и я решил использовать их с безмерной осторожностью. А для этого опять пополз по кирпичам. После долгих поисков был обнаружен и зажжён фонарь. Свет фонаря подтвердил печальный факт смерти моего проводника. Он действительно оступился и, падая, ударился виском об острый выступ подставки фонаря, которую тяжестью своего тела опрокинул.

Поднимая тяжёлый фонарь, я заметил на нём внизу надпись: «Всепринимающий, прими следующего из чаши тайн испившего».

III

Прочтя дивную надпись, я старался понять её значение, и показалось, что она говорит про некий закон, царящий в этих подземельях. Возможно, Подземный человек согласно этому закону заплатил жизнью за раскрытие тайны? Впрочем, факты

говорили, что он стал «вторым, испившим из чаши скрытых знаний». Меня охватило суеверное благоговение к окружающим стенам и предметам. Я был объят со всех сторон тайными, сознающими свою мощь, силами. И эти тёмные древние стены, и чёрный дубовый гроб с останками неизвестной мне, но, безусловно, гениальной личности, и это таинственная надпись, и наконец, труп малоизвестного, но всё же близкого и дорогого мне человека, окутывали душу тысячами хрупких, но тягучих нитей неведомых тайн.

А главное, я был здесь, в этих лабиринтах единственным живым существом. Я обернулся, чтобы ещё раз взглянуть на пожилое, но приятное лицо Подземного человека. Каково же было моё удивление, когда я не увидел его на земле, где момент тому назад он лежал. Это ужасно встревожило и поразило до самых глубин всю мою сущность. Я всё больше ощущал бессилие, словно оказался в неведомых путах.

Поражённый новой тайной, я искал своего проводника и поднял вверх фонарь, осматривая подвал. Но тела нигде не было. Зато я заметил, что помещение, в котором я нахожусь, имеет треугольную форму, и треугольник, сужаясь, сходил кверху высоким сводом. Мне вспомнилось описание словенского храма в Ретре, который представлял трёхгранную фигуру, как и поселение при храме, которое было с трёх сторон огорожено, а с каждой стороны по трое ворот: на восток, юг и север.

Вспомнилась также дискуссия в молодёжном кругу. Один уважаемый учёный, который был среди нас, утверждал, что именно в треугольной форме была построена знаменитая, воспетая Гомером Троя, что все храмы и святилища старой словенской веры, посвящённые Величайшему, отцу Богов, назывались Троя.

Но скоро мысли вернулись к моему незавидному положению в этих склепах. И только я принял решение вернуться назад той же дорогой, как вдруг что-то скрипнуло за спиной. Вздвигнув, я обернулся и увидел раздвинутую

стену и между двух её половин, на фоне непроглядно-чёрной тьмы прохода... человеческую фигуру в белой одежде и с белым митроподобным клобуком на голове. Я застыл на месте и уверен был, что это галлюцинация. А тем временем белая фигура начала ко мне приближаться. Глядя расширенными глазами на неё, я с немалым удивлением распознал облик Ивана Ивановича. Первым моим движением было выразить свою радость и поделиться пережитыми тревогами, но он, словно понял мою мысль, торжественным поднятием руки сдержал мой порыв, говоря:

— Не нарушай почтительности места этого словами суетными. Иди за мной!..

И мы молча скрылись в проходе, из которого вышел Иван Иванович. Он шёл впереди, а я за ним. Тут я разглядел, что белое его облачение было в форме длинной широкой рубашки с широкой пурпурной каймой на подоле и рукавах. Клобук был также подбит снизу, на отворотах козырька, пурпуровой тканью. Мы шли размеренным, ровным шагом, по причудливо изогнутому широкому проходу, на стенах которого были потускневшие от времени изображения и какие—то надписи, обрамлённые орнаментами. Брусчатка была сложена из четырёхгранных каменных плит. Так в молчании прошли мы не менее двухсот шагов, и оказались перед глухой стеной, которой заканчивался проход.

Иван Иванович поднял руку вверх и тростью, на которую опирался, сильно нажал на вправленную в свод розетку над крюком. Глухая стена, перед которой мы стояли, дрогнула и начала опускаться вперёд. Перед нами открылся круглый зал, стены и потолок которого были покрыты рисунками, а пол мозаикой. Зал был совсем пустой, только с правой стороны, около стены стояли три каменных сидения.

— Вот здесь, на этих стенах, — начал Иван Иванович, — изображена суть нашей старой веры, которая опиралась на тройственность всего сущего. Сверху — силы небесные, в середине — жители земли с их заботами, внизу — загробный

мир с его правителями и обитателями. Каждый из этих миров, по древнему веданию, распадался в свою очередь на три составляющие сущности. Все религиозные системы, от начала существования в человечестве философской мысли, признавали эту троичность вещей.

Халдейско-вавилонские жрецы, которые за много тысячелетий до нас слыли лучшими в мире астрономами, лучшими также знатоками математики, без которой невозможна астрономия, они были, возможно, первыми носителями знаний людских. И они в своей Троице почитали Богов Ану, Эа и Бела. Ану — это властелин звёздного неба, первородный, старейший, отец Богов. Эа — мудрейший, лучший из Богов, первосвяtitель и учитель всем смертным. Бела — сын Эа, который вывел землю из тьмы и хаоса, отделил друг от друга все сущности и энергии, из которых сложился смертный мир, каким мы его сейчас знаем.

В Индии Троицу составляют Брами, Вишну, Шива. Функции особ этой Троицы, те же самые, что и у халдейцев. Не чуждо было и греческой мысли понимание троичности силы, управляющей миром, чем главным образом интересовалась школа платоников, от которых догму Троицы позаимствовало христианство.

Иван Иванович поднял руку вверх, указывая на рисунок, и сказал:

— Посередине свода мы видим три ипостаси словенской, а лучше сказать — дако-гетской Троицы. Первый из них Наивеликий (Optimus), Отец Богов, не имеющий имени. Имена, дарованные ему разными народами: Баг, Бог, Дэос, Дзевеае, Гот, Элохим, Аллах-Адонай — это все его прилагательные, как и наше Наивеликий, ибо имя его нельзя произнести. Честь его в нашем народе уходит в очень глубокую древность. Можно сказать, что большинство греческих мифов тесно связано с нашими пращурами гетами, с которыми на берегах Дуная греки встретились и взаимно делились тайнами ведами.

Даже эти наши места были известны грекам в то время, когда создавались их первые мифы. Это понятно из текстов Гомера и других поэтов старой Греции, особенно же из рассказов про Аполлона и сына его Фазтона, которые сохранились в изложении Вергилия. Можно вспомнить и мифы о Прометее, Орфее, Эскулапе и другие. От древнегреческих писателей известно, что словене верили в загробную жизнь и после смерти ожидали, что их примет Зямельчиц*, религиозный реформатор, который жил за 600-650 лет до новой эры**.

* *От издательства.* Мы поручили сотрудникам нашего издательства проверить данные о Зямельчице, и получили такую справку: «Сказано о Зямельчице немало у многих древних писателей: Herodotus IV, 93, 94; Arian expedit Aleksandri lib I; Hellanikus (etymolog. magn. voce; Pomp. Mela II, 2; Strabon VII, 2977). О словенском народе (...) говорится, что это очень мужественный и справедливый народ; они верят, что после смерти идут к своему Богу Zamolxisa, который почитается той же сущностью, что и Gebeleisis (Herodot).

Некоторые греки утверждали, что Zamolxis — Зямельчиц был учеником Пифагора и пифагорейскую науку о загробной жизни распространил между своих единоплеменников — гетов (Strabon). Но это, безусловно, ошибочно, ибо Зямельчиц жил намного раньше. Пифагора, не менее чем на сто или сто пятьдесят лет раньше. Ошибочно также утверждение Геродота, что у гетов Gebeleisis (Наивеликий — Optimus) был той же сущностью, что и Зямельчиц, который расширял науку о единой первопричине, а значит, был только обожествлённым человеком.

Из новейших писателей о Зямельчице (Zamolxis) писали: de Brosse i d'Anville в memoires de l'acad. des inscript. T.XXXV et XXV и Ernest Gotfried Grodeck в рассуждениях, de immortalitatis quam Getis persuasisse dicitur Zamolxo ratione, а также его: Graecorum de Zamolxide fabule.

** *От издательства.* Из текстов Меандра (323 г. до н. э.) известно, что Зямельчиц расширял науку очень похожую, в общих чертах, на буддизм, но выходящую из глубины мысли дако-гетского племени.

Другая сущность словенской Троицы, аналогичная халдейско-вавилонскому Эа, индусскому Вишну — это Правечный Кон, который дал всему живому законы жизни, назначил кон, долю и обозначил конец, кончину*. Как и все Боги, Правечный Кон имел много разных эпитетов, которые непосвященными принимались иногда за его собственные имена. К таким его именам относятся: Прова, Право, Тур.

В одной старинной саксонской хронике имеются рисунки словенских Богов времён христианизации словен, между ними — рисунок идола с подписью «Proco». Этот рисунок показывает, насколько христианские апостолы того времени были проникнуты мозаизмом и вавилонскими харубами и шайтанами, и как мало знали о том, что уничтожали. Ибо Кон-Пров-Тур не имел идолов: ему посвящались заветные дубы и рощи. В такие места, огороженные и с двумя противоположными воротами, сходились в определённые дни старейшины народа и справляли суды. Под защитой священных лесов мог находиться тот, кого преследовали, и никто не смел его тронуть. Право и Правда не могут основываться на преобладании физической силы, тем более на насилии.

Третья сущность словенской Троицы соответствует вавилонскому Белу и индусскому Шиве — это Ситиврат, Сива. Халдейцы считали Бела Богом преисподней, царства вечной тьмы, дома, «в который все входят, но откуда никто не выходит». Индусы Шиву называют мстителем. Интересно при этом отметить одну особенность, это то, что индусы воздавали честь Шиве — Ишваре в местности Рудра, а словене Ситиврату в Ретре.

* Kronos (греч.) — время. Кон — круг, коло, круг годовой. А в немецком Gott — год.

И если бы мы не знали о том, что дако-гетские мифы через греков доходили до Вавилонии и Египта, а также и до Индии, то можно было бы удивляться странным совпадениям в созвучиях.

В санскрите есть эпитет, данный Шиве — Хари, который очень сходен с нашим Ярь, Ярило, Яровит. Символом Ситиврата (жизневорота) — Ярилы был неугасимый огонь — Живец, Жинч, Знич (исчезающий, знікаць — исчезать, знічка — падающая звезда), его вечные алтари были всюду, куда проникала словенская вера. Летописи упоминают о таких вечных огнях в Вильно, Великом Новгороде и у западных словен, и в Поморье. Все первоначальные христианские святыни, посвящённые пророку Илии, были построены на местах вечного огня. Христианский Илия заместил изначального Ярилу. Такие церкви были в Минске, Витебске, Смоленске, Полоцке и других городах.

Волхвов, служивших Ярому, называли ведунами, ведачами, вятачами, вятвягами, ибо они предвещали будущее. Пусть вас не удивляет, что у Силы мщения появился эпитет белого, яркого, чтобы умиловить её. И до сих пор, по старой памяти, народ называет огонь — богатый, тёплый, светлый, чтобы не прогневать грозной силы. По этой же причине страшного Лесуна—Лешего называют Доброхот, Зелун. Или чёрный болотный дух — Белун, а под влиянием новейшего мировоззрения он стал нечистью.

Силе первопричинной, Наивеликому поклоняется всё живое. Это основа основ, это то, о чём поют брамины в своих гимнах:

Я поводырь и дорога, свидетель и князь,
Отечество, друг, пристанище,
Первопричина и цель, и сущность вещей,
Я и хранитель, и вечное семя.

Орфей, который был из народа гетов, живших в то время во

Фракии, принёс в Грецию знание о едином Наивеликом. Греки спрашивали оракула, что такое Бог, которого проповедует Орфей? И оракул называл Наивеликого светом (rad), мысль—словом (logos) и источником жизни (pneuma). Эти имена обозначают единую первопричину, духовный свет, радость без мучений, первоисточник знаний, увенчанный высшей истиной.

Правечный Кон дал право, закон людям, зверям, птицам, змеям, рыбам, растениям и вообще всему, что живёт, рождается и умирает. Установленные им законы вечны и нерушимы. Главное место в наших краях, где воздавали ему почести, был Туров и местечко Скрыгалово, недалеко от Турова, где до сих пор сохранились остатки так называемых циклопических построек в виде огромных каменных блоков. Символом справедливости у словен считался белый бык — тур.

И хотя давным—давно забыли наши люди старых Богов, но полесская — Городенская земля до сих пор имеет в своём гербе тура, символ Правечного Кона.

Под Троицей мы видим ниже семь сущностей с их знаками: это семь главных сил, управляющих миром. Первая — Кон, Конязь и его символ солнце. Другая — Княжич, или Месяц, со своим знаком — молодым месяцем. Третья — Ярило и символ его — звезда Марс. Четвёртая — Родигост и его знак — звезда Меркурий. Пятая — Перун— Громовик. Шестая — Громоваца и её символы — звезда Венера и птица кукушка. Седьмая — Лада, Ладонь со знаком — звездой Сатурн.

Каждой из этих семи сущностей посвящён один день недели, о чём говорят рунические надписи под каждой Силой: воскресенье — Совник, понедельник — Месич, вторник — Ярец, среда — Радовник, четверг — Перунец, пятница — Грамница, суббота — Ладич. Ниже этих семи сущностей двенадцать символов, обозначающих 12 знаков Зодиака. А под ними — четыре ветра, дующие на четырёх концах света: Усток, который сухостью разит. Ирий, приносящий тепло. Сутон, навевающий тучи и дождь. Сивер, приносящий стужу.

Средняя часть рисунков содержит сцены из жизни людей, зверей, птиц, рыб, растений на земле, в воздухе, в воде в самых разных состояниях.

А внизу изображено царство смерти, дом вечной тьмы с его обитателями. На первом плане две главные фигуры: Лютец, Лютый (Pluto), или Кощей Бессмертный, и его жена — Марва. Первый представляет собой худое, с острыми чертами и злыми глазами чудовище, у второй старческая женская голова, на которой вместо волос извиваются ядовитые шипящие змеи. Её мясистое туловище опирается на четыре лапы и заканчивается драконовским хвостом. За этими главными фигурами видны безобразные духи страны смерти и бесконечное число бледных человеческих фигур.

Мозаичный пол был украшен символическими знаками, значение которых я не знал и не решился спросить о них.

— А теперь, — сказал Иван Иванович, — чтобы двинуться дальше в лабиринты, нам нужно сесть в эти кресла.

IV

Очарованный величием образов, представленных Иваном Ивановичем, я спросил его:

— Почему же все это пришло в упадок, почему забыто?

И Иван Иванович ответил:

— Геродот рассказывает, что северные страны Европы были самыми многочисленными после Индии. Северные народы, которых называли гиперборейцами, занимались охотным промыслом, скотоводчеством и хлебопашеством. Знали ремёсла и особенно были известны любовью к познанию природы. Они были носителями высоких ведических знаний. С берегов Геродотовского моря, теперешнего полесского края, вышел великий индусский реформатор Рама. Ален— гипербореец привёл с севера целую школу учёных, которые стали в Греции кастой священников и основоположников

этики Аполлона и Дианы на Делосе.

С севера, из словено-гетской земли прибыл в Грецию Орфей, основатель городов, учитель искусств и ремесел. С севера принёс Прометей свет, за что его нещадно покарали.

Прометей, первый цивилизатор Греции, прикованный к Кавказской скале, по словам Эсхила, жаловался: «Боги, мне содеяна обида! Послушайте, я пострадал ради смертных. Благодаря мне из зверят, которыми были, они стали людьми. Слепые и глухие они слонялись без права и порядка, не умели строить дома, пещеры были им единственным убежищем. Жизнь ускользала от них, а они не постигали ни часов, ни времён года. Я научил их понимать движение звёзд, дал знаки для письма и символы для счёта. Одарил их памятью, матерью муз, научил их промыслам. За что же покарал меня завистник Зевс? Разве что за свет, сближающий людей с Богами?"

Греческие писатели сами свидетельствуют, что жившие на севере народы принесли в Грецию не только некоторые искусства, но и целую религиозную систему, науки и ремёсла. Словенские народы, как, например, куреты, квириды, или кривиты пользовались руническим письмом задолго до прибытия в Грецию веницианского Кадмуса. Их постройки напоминали циклопические, отличаясь необычайной прочностью. В их поселениях, например, на горах Олимпийских, Геликонских и Пандейских сразу же появились религия, музыка и философия, которыми впоследствии славилась Греция.

Из кривитов-кривичей вышел Аполлон и занимался религиозным просвещением. Орфей (orfeos — тёмный) вероятно слепой, как Гомер, своим красноречием укрощал диких зверей и сдерживал дикость варваров. Под волшебные, завораживающие звуки его лиры поля превращались в города (греческое: город — paleis). Ален, Тамарис и Линея так же, как и Орфей, своим красноречием убеждали туземцев отказаться от человеческих жертвоприношений Богам и

полностью отречься от людоедства.

Есть народы, как и отдельные люди, призванные быть не только мессиями человечества, но и его искупителями. Таков народ гетов со всеми своими ответвлениями. Прометея за его благодеяния к людям распяли на скале Кавказа. Орфея разорвали пьяные и обезумевшие женщины. Фессалийские (фракийские) пелазги за неприятие примитивных верований были разбиты греками и утоплены в море. Троя, словенское поселение между греков было уничтожено греками. Наконец греки, изведя своих давних учителей и цивилизаторов, изничтожив, постарались опорочить их перед историей, лживо приписывая им нечеловеческие обычаи и чародейства.

Прежде чем стать носителем Вед и до своего мессианства, народ гетов и сам претерпел немало внутренних изменений и реформ.

Первым реформатором был Зарада. До него в обычае у гетов было общее имущество и женщины. Народ занимался только собирательством и охотой. Зарада научил ремёслам и ограничил свободный выбор жён, а жёнами мужей, до одного раза в год. Ежегодно имел право муж поменять жену и жена мужа. День этот был назван Купальем, потому что в этот день желавшие любить и жениться, проходили очищение огнём и купанием в воде. И у каждой пары была возможность уединиться.

Зарада учил, чтобы никто не пользовался чужим трудом. Каждый следил за порядком в своей семье и дома был полным хозяином. За обиду, нанесённую соседу, наказывал народный сход. Но семьи начали умножаться, и постепенно установился патриархат, неограниченная власть главы семьи. Причём патриархи неохотно отпускали кого—то от себя, и семьи разрастались до 100—200 душ. Собственность в семье стала собственностью патриарха, как и все женщины семьи. Возникло общее недовольство.

Но объявился другой реформатор — Багавей, который возвысил касту жрецов. Появилась диктатура жрецов. Земля,

как принадлежащая Богу, стала собственностью главного святилища, а также повсюду появились вспомогательные провинциальные святилища. Все и родители, и дети должны были работать на Богов и святилища. Самой священной стали считать работу хлебопашца. Символом её стал белый бык, которому жречество воздавало особое почтение.

Но вскоре пахарь—земледелец был принижен до безголосой скотины, за которую думает хозяин. Чтобы потушить нарастающий бунт, жрецы пошли на уступки: уравнивали свои права со старейшинами родов. Появилось духовно-аристократическое правление, оно прикрывалось волей Богов, издавало от их имени свои приказы, имея целью лишь свою пользу. Власть жрецов и старейшин крепко и надолго села на холке народа. В то время начали происходить нападения соседних кочевых народов, защита от которых создала третье сословие — военное. В правление кроме жрецов и старейшин вошли воины.

Если приглядеться к содержанию наших народных сказок, то эту историю можно найти, переданную в символах. В крестьянской семье, например, родится Катигорошек, самый сильный силач в мире. Подрастает и идёт уничтожать зло на земле. По дороге знакомится ещё с двумя или тремя богатырями, у которых вызревает заговор, погубить его и столкнуть в бездонную пропасть. Но Катигорошек рано или поздно выбирается из пропасти и, посрамив своих друзей, берёт в свои руки руководство над миром, которому даёт покой и счастье.

Под господством старейшин и жрецов, которое охраняли воины, земледельца в греческой символике замещают фигурой одноглазого циклопа, а позже глупым и слепым Полифемом.

Но это ещё не всё. Чужеземцы, которых сначала принимали как гостей на наших землях, начали поработать словенские народы. А высшие классы, аристократия и духовенство слились с этими чужаками.

Та же история, как и в Италии, где задолго до основания Рима жили высококультурные этруски. Чужеземные дружины завоевали их, превратили в рабов и, переняв от них культуру, очернили этрусков перед историей как диких и никудышных людей. О поражающем искусстве, промыслах и науке, о высокой просвещённости этрусков можно узнать только из раскопок их городов и захоронений. Этрусская цивилизация погибла в войнах с чужаками. А потом римляне безжалостно уничтожали любые памятники этрусской культуры, их книги и творения их гения. Этрусская культура исчезла. Рим или молчал о ней или осыпал ругательствами и унижением.

Под ударами чужеземных войск пришла в упадок и наша культура, особенно во время крещения словен норманнами.

Надо понимать, что мифология многих народов ничего общего с теософией не имеет, примером может служить латинская мифология. Это, чтобы стало понятней, что из нашей мифологии относится к теософии, а что является лишь знаком пройденной народом истории.

Есть легенда о Сатурне, что во время его правления на земле был золотой век. Сатурн — Бог патрициев. Легенду эту, конечно, сложили патриархи, вспоминая своё давнее и беспредельное господство. И напрасно некоторые видят в этом пессимизм классических народов, у которых сначала век золотой, потом серебряный, медный и железный... Чем дальше, тем всё хуже. Нет, эту историю надо рассмотреть в совсем другой плоскости.

«Сатурн начал есть своих детей».

Эту басню придумала каста жрецов—священников, готовя заговор против ортодоксального всевластного патриархата. Установленный потом латинскими жрецами порядок передал власть в руки богатых семей, «одарил старших братьев правом Божественным и людским», но при этом оскорблял и лишал прав землепашеское братство. Образовались патриции (господа) и плебеи (мужики).

Патриции тонут в избыточности и роскоши, а плебеи в

благодарность за кровавую работу получают плети и розги. В латинской мифологии говорится, что Венера, жена плебейского Вулкана, стала встречаться с патрицианским Марсом. Вулкан, не в силах стерпеть унижение, обвивает спящих Венеру и Марса сетью и вытягивает их на свет, чтобы произошедшее было явным для всех. И это был упрек Аполлону, как хранителю права. Весь Олимп встревожился. Аполлон побледнел от унижения. Одни Боги смеются, а другие выражают злость и возмущение.

В трудном положении Юпитер, аж голова трещит. Как примирить недовольство в массах? Тут и растущее недовольство черни, и яростное упорство патрицианских Богов...

— Вулкан и Меркурий не дают мне покоя с тех пор, как Марс с Венерой попались в сетку.

— О, Наивысший, — просит Меркурий, — встань на нашей стороне и народное дело будет выиграно.

— Наивысший проголосует, но будет шесть голосов против пяти, — ответил Юпитер. — Что делать? Голова трещит, что делать! Моя голова разрывается, но я сотворю Минерву. Вулкан, бей молотом в голову вот тут, тут!

Вулкан выполнил приказ. Когда, испуганные зрелищем отцеубийства, сбежались Боги, то увидели новорожденную Богиню, вооружённую с головы до ног, исходящую из затылка Юпитера. Так родилась Богиня мудрости — Минерва.

— Плебеи требуют прав, — напомнил Меркурий.

Стали голосовать. Шесть против шести!

— Мне полагается двойной голос! — крикнул Юпитер.

И дело народа было выиграно. Довольный Юпитер потирал руки:

— Так, ну, теперь им надо ещё право на землю! Кстати, лично поговорю с Юноной и думаю, что она предоставит также право свободной женитьбы.

Меркурий, который исполнял обязанности почтальона, понёс весть на землю. И плебеи получили права человеческие

и гражданские. И все это стало результатом несоблюдения прав Богами, после залёта Венеры и при попустительстве Юпитера — примерно так объясняли жрецы.

Меркурий, Бог купечества и предпринимательства, носит рубашку нараспашку, служит всем, кто платит: и людям, и Богам, небу и земле. Покровительствует и вора, и мошенникам. Под его эгидой выросла новая аристократия — денежная. В её ряды вошли те, кого опекал Меркурий. И на права для этого сословия Боги, от имени своих клиентов и патрициев, вынуждены были согласиться.

И хотя Юпитер давно и по—своему решил земельное право, это право и до сих пор несправедливое. И вопрос будет актуальным, пока каждый народ не станет хозяином своей земли, пока каждый, кто поливает своим потом пашню, не станет законным и признанным её властелином со святыми на то правами.

И это же время уже неподалёку!

V

Иван Иванович замолчал, а я предался размышлениям, нас окружила молчащая тишина, и в неё откуда—то доносилось тихое хоральное пение. Сперва пение было такое тихое, что сливалось с ударами сердца и крови в жилах. Но я напряг слух, прислушался, дальний хор, словно рос и набирал всё большую выразительность. Когда звучание этих голосов стало приближаться, я вопросительно посмотрел на Ивана Ивановича.

— Это поют наши старцы, — сказал он спокойно.

— Как! Неужели эти подземелья заселены людьми? — удивился я.

— Да. Жизнь в этих подземельях идёт прежняя, старосветская. Вам же приходилось слышать в народе, да и читать в так называемой этнографической литературе о провалившихся городах, храмах, монастырях. Разве вы не

слышали про невидимый город Багоцк, это здесь, около Полоцка? Второй такой город около Гомеля, описал российский писатель под названием Китеж. На землях, которые до кривичей населяли готы, такие города существуют...

Я удивленно смотрел на Ивана Ивановича и уже не знал, как всё это понимать, настолько всё услышанное и увиденное было необычным. Я провёл рукой по лицу, чтобы убедиться, что всё это не галлюцинация, не сон... Но чувства меня не обманывали...

Иван Иванович встал и, открыв дверь в стене, повёл меня по длинному и широкому проходу, и мы оказались в большом и светлом зале. В зале не было ни свечей, ни ламп, но всё освещал чудесный свет, словно из ниоткуда. Стены были заполнены книгами и свитками рукописей. Подойдя к одной из полок, Иван Иванович взял древний пергамент:

— Вот свидетельство путешественника, который был в наших краях за несколько сот лет до арабского писателя Масуди, который кое—что из старых книг вписал в свои книги. Здесь говорится о городах и святынях словенских. Руин этих городов и святилищ археологи никогда не обнаружат, наши города удивительным умением древних инженеров опущены вглубь земли, как и эта наша святыня, этот зал, в котором мы сейчас находимся. А в пергаменте вот что о ней написано:

«Одно из святилищ построено на горе, это чудо света, многие говорят, это пример искусного применения разнообразных камней в архитектуре. Там собраны чудесные и бесценные драгоценности, а также знаки, показывающие будущее».

— Всё, что здесь написано — истинная правда! — сказал Иван Иванович, убирая рукопись. — Сейчас я схожу к нашим старцам. Можете пока осмотреть эту уникальнейшую в мире библиотеку.

— Извините, а кто эти старцы и как они живут здесь?

— Взгляните на этот зал, — ответил Иван Иванович, — здесь нет никаких осветительных устройств, но в зале светло и тепло. Это потому, что стены зала покрыты элементом, похожим на вещество, из которого состоит Солнце. Под таким светом и растения, и люди могут жить без ущерба для здоровья. Этим элементом оштукатурены стены. У элемента и другие удивительные свойства: кто находится под влиянием его света – не стареет, организм не теряет гибкость, и человек остаётся всегда в одном возрасте, и потому бессмертен.

Мы находимся на глубине около тысячи метров от поверхности земли, но дышим лёгким воздухом. Чудесный элемент способен поглощать излишки углекислого газа. Древние учёные ушли с поля дикой борьбы на земле и живут здесь, занимаются наукой и экспериментами в своих обширных и хорошо обставленных библиотеках и лабораториях. Работают, ожидая время, когда можно будет выйти к своему народу.

Созданы условия, при которых любой предмет можно разложить на первоначальные элементы, а из них создать необходимое вещество. Например, из воздуха и воды можно сделать камень, золото или жир. Тот же булыжник может стать хлебом, а воздух — любого вкуса маслом. Это очень важное открытие наших старцев, оно сможет решить на земле многие социальные вопросы...

В этот момент где-то вдали раздался звонок, Иван Иванович пожал мне на прощание руку:

— Вам, любителю книг, думаю, скучно тут не будет.

Я, не теряя времени, стал рассматривать книги. Отдел библиотеки, в котором я находился, состоял из трудов старинных арабских, греческих, индусских и египетских писателей. Огромные фолианты, написанные на пергаменте и шелковых тканях, занимали все стены. А внизу, у стен в дубовых, инкрустированных серебром ящиках разложены были свитки, писанные на разных языках. На мраморной доске посреди зала был план библиотеки, я увидел, что отдел

словенских книг находится в третьем зале налево. Я поспешил туда.

И тут какой-то легкий, словно от колокольчика звон привлёк моё внимание. Я поднял голову и увидел, что из стены выступает массивный каменный блок в форме стола, с глубокими выемками внизу. На столе в ряд стояли блюда из жёлтого металла, а на них свежие фрукты и закуски, посередине красовалась бутылка со «Старкой». Подойдя к столу, я увидел записку с почерком Ивана Ивановича, такого содержания: «Уважаемый Друг. Всё, что найдете на этом столе, только что приготовлено с помощью открытия наших учёных. Попробуйте, годится ли для употребления. Ваш Иван Иванович».

Я сел за стол и убедился, что вся закуска отличалась высоким кулинарным искусством. Жаркое было горячим и сочным, с приятным ароматом дыма. Фрукты удивительно свежие. А «Старка» тянулась из бутылки, как маслина, и расходилась по организму волнами приятного тепла.

Перекусив, я направился в словенский отдел библиотеки. Богатство, которое я здесь увидел в свитках и фолиантах невозможно описать. Здесь был и фолиант полоцкой летописи, писанной рукой княжны Евфросиньи, и летописи многих других древних периодов жизни нашего народа. Увидел собрание научных трудов Зямельчица, состоявшее из четырёх книг, каждая разбита на семьдесят два раздела. Книги располагались по содержанию: моральное право, гражданское и государственное право, история народа и антология лучших литературных произведений.

Целый отдел библиотеки состоял из книг, написанных глаголицей, которая, как мне показалось, была на пятьсот лет старше других словенских грамот, похоже, что знаки её развились из каких—то словенских иероглифов. Тщательно обработанные таблицы развития письменных словенских символов показывали не только перемены в формах символов, но давали одновременно и хронологические данные. И

похоже, что начала словенской письменности можно найти в конце четвёртого тысячелетия до нашей эры.

Интересно было проследить по таблицам, как из человеческой фигуры (рисованной в иероглифе полностью) появлялся знак «аз» — «я», наше нынешнее большое «А». И от человеческой фигуры остались внизу только две палки, а поперечина — это память о рисованном когда-то поясе. Удивительно прочно держался многие тысячелетия знак змеи, и сохранился до наших времён в словенской букве «зело». А также знак жука в букве «ж», которая и ныне напоминает собой насекомое.

В отделе архитектуры видел удивительно изящные сооружения, так называемого гетского стиля. В отделе письменности христианских времён с особым почётом хранились рукописи первых христианских апостолов Кирилла и Мефодия. И надо сказать, что эти апостолы действительно перевели Святое писание на словенский язык. Но словенской письменностью, так называемой кириллицей ещё за добрых четыре сотни лет до них пользовались различные христианские сектанты, например, манихейцы, павликианцы и месальянцы.

Все эти сектанты также писали греческими буквами по-словенски, подгоняя их к словенской речи. И переводу канонических книг на словенский язык предшествовали различные сказания, например: «Сказание об Адаме», «Книги Еноха справедливого», «Сказание о Ламехе и Мельхиседеке», «Заветы двенадцати патриархов», «Послание Абраама ко Христу», «Евангелие Фомы», «Евангелие Никодима» и много других.

Наконец, измученный пересмотром книг, я решил обойти библиотеку, и с этой целью вышел в другой зал, а из другого в третий и так далее. Пройдя десятка два залов, наполненных книгами, я оказался перед глубокой нишей, в которой была человеческая фигура с блестящими глазами. По мере сближения с ней, глаза фигуры светили всё ярче, причём была

в них какая—то притягательная сила. Когда я был на расстоянии метров десяти от фигуры, уже не было сил удержать себя, что—то непонятное, неодолимое тянуло к ней, и даже усилиями воли я не мог остановить себя, и шёл дальше. Фигура была из жёлтого металла, втрое больше естественного человеческого роста. От синеватого блеска глаз фигуры, который был направлен прямо в мои глаза, я ощущал, как тело моё немеет. И вдруг фигура правой рукой ударила трижды в щит, который был у неё на левой руке. Оглушающий тройной звук полностью парализовал меня, и я потерял сознание.

VI

Когда я открыл глаза, то увидел, что лежу в отеле на своей постели в одежде. В окно ярко светило солнце и двумя огненными столпами ложилось на пол перед моей кроватью.

В этот момент кто—то постучал в дверь.

— Да! Пожалуйста! — сказал я.

Открылась дверь, и я увидел на пороге Подземного человека. Он подошёл ко мне и, поздоровавшись, сел у кровати. Взглянув на него, я увидел широкую ссадину на левой щеке, от уха до подбородка. Мне сразу вспомнилось подземелье, и я вскочил с кровати. Старик смотрел твёрдым, стальным взглядом мне в глаза. Его взгляд наводил на меня суеверный страх, и я снова сел на кровати.

Старый молча начал копаться во внутреннем кармане своей жилетки и вынул оттуда довольно помятый конверт, отдал его мне и сказал:

— Это вот записка от Ивана Ивановича.

Я поспешно схватил конверт и, разорвав его, достал записку, в которой было сказано:

«Уважаемый Друг, завтра мои именины, а нынче вечером Свято Купала. Заглядывайте вечерком, поговорим о нашей древней истории. Стол я снова приготовил по своим рецептам.

Надеюсь, что моя кулинария достойна к употреблению. Ваш Иван Иванович.

Полоцк, 23 июня».

Я быстро взглянул на стену, где висел отрывной календарь, там была дата 20 июня. Это был день, когда я приехал в Полоцк и вечером гостил у Ивана Ивановича.

— Какая нынче дата? — спросил я у Подземного человека.

— А какая же, это же известно, 23 июня, — ответил он, улыбаясь.

— А когда я у вас был?

— Вы позавчера были у нас, во вторник, а нынче у нас, слава Богу, четверг, завтра будет пятница, день святого Иоанна.

Голос Подземного человека показался мне каким-то скрипучим, действующим на нервы, как ножовкой по железу.

Меня снова объял суеверный страх, и я постарался поскорей избавиться от гостя. Выходя, вместо привычных при прощании слов, он сказал:

— Мы ещё увидимся.

Оставшись один, я вспоминал образ за образом всё увиденное мной, начиная с возвращения в первый вечер от Ивана Ивановича.

Нет, я не спал. Думал, передумывал и вновь приходил к убеждению, что всё это было наяву, всё было реальностью. «Может, я перепутал даты», — подумал я и, чтобы убедиться, вынул из кармана записную книжку. Да, верно: выехал я из Вильно вечером 19 июня, утром двадцатого был в Полоцке. Я позвонил.

Когда пришёл номерной, я спросил его, какая нынче дата?

Прежде чем ответить на вопрос, он быстро заговорил:

— Хорошо, что вы, Паньч, вернулись, а то вчера принесли вам телеграмму, а вас-то не было, и я не знал, что делать с ней. Дата же, Паньчку, нынче двадцать третье. Но где это вы, Паньч, пробыли так долго? Как мне сказали, что вы уехали в

гости, то я, признаться, и не прибирал, — и он закопошился возле умывальника.

— Кто тебе сказал, что я уехал в гости? — спросил я порывисто.

— Так вот этот самый, что был сейчас у вас, Панычку, Подземник, как его у нас называют.

Тут он спохватился и быстро побежал за телеграммой.

Телеграмма была из дома: «Приезжай назад первым поездом, важные дела», — сообщалось в телеграмме. Я очень обеспокоился, когда уезжал, никаких «важных дел» не предвиделось. Что там? Болезнь? Несчастье? Почему не сказано, какие там дела?

И, так раздумывая, я начал укладывать свои вещи. Потом сел и отписал Ивану Ивановичу на его приглашение, что по причине полученной из дома телеграммы не буду у него на именинах, и, пожелав ему всего наилучшего, отправил записку.

В тот же день, поздно вечером, я был уже дома. Оказалось, никаких важных дел дома не было, и никто из домашних телеграмму мне не отправлял. Хотя на бланке было отмечено: «Выслана из Вильно, принята в Полоцке».

В утренней газете 24 июня я прочёл сообщение из Полоцка такого содержания: «Вчера, 23 июня, вечером, умер местный полоцкий историк и археолог Иван Иванович».

[1923]

Перевод с литвинской (беларуской) мовы: *Евгений Рыбаченко*

Рассказы

ЗЛЫЕ ГЛАЗА

Рассказ нервного человека

Трудно поверить, но я очень ясно помню день своего рождения и первые дни жизни моей. Врезался мне в память мой тупой слух, к которому доходили только сильные звуки какой-то скомканной беспорядочной громадой, и мое зрение, которое представляло все окружающее меня на одной плоскости. Дом, стоявший на другой стороне улицы, окно, через которое видно было его, вещи и люди, окружавшие меня, все это казалось мне, находится на одном от меня расстоянии. Много пришлось пережить дней, пока я научился различать, что близко и что далеко. Но наиболее врезалось в мозг и нервы мои то впечатление, которое я получил, первый раз открыв свои глаза на мир Божий: в хаосе множества различных форм — в серой дали заметил я, будто кружилось что-то, чего я не мог назвать, но что все мои нервы наполнила безграничным, ни с чем несравнимым страхом, и я начал жалобно плакать.

Мать моя была очень слабая, разбитая жизнью женщина. Чтобы явить меня на свет, ее слабый организм вытянул почти все свои силы, из-за этого груди ее бывали пусты, и я изнемогал, посасывая их, и в конце оба горько плакали: я с голода, а мать моя — жалеючи меня и, видимо, себя.

На седьмой день моей жизни проснулся я, как обычно, от голода и начал плакать. Мать в эти дни была еще слабее, чем прежде, и у нее в груди было ещё меньше еды. Все-таки она склонилась надо мной, и я впервые заметил ее наполненные любовью добрые глаза. Я замолчал, стало мне как-то тепло и радостно, и, видимо, приветствовал ее детской улыбкой, так-как и ее глаза смеялись мне. Мать наклонилась надо мной, чтобы взять на руки, но, видимо, не осилила поднять меня, потому что я упал на постельку. Вновь попытка поднять, и опять я ударился обо что-

то твердое и начал плакать. В конце я всё же оказался на руках и жадно припал к груди, долго сосал я пустые груди, сморившись, бросал сосать, плакал и снова принимался за трудную работу. Мать осыпала меня поцелуями, и на моё личико и руки сыпались крупные, горячие слезы. В конце-концов работа моя дала результаты: я почувствовал на языке какой-то горячий поток и жадно глотал его. Правда, поток этот имел неприятный, горько-соленый вкус, который мне тек в горле, но я унимал им свой голод. Вдруг мать моя как-то вздрогнула и вместе со мной упала на пол. Хотя я не крепко ударился, но первым моим ответом был обычный громогласный плач.

Помню - я очень долго и горько плакал, но, видя, что никто не обращает на меня внимания, начал около себя оглядываться, и первое, что увидел, была кровь. Красной кровью были измазаны мои руки и личико, а также рубашка и грудь моей матери. Сама она лежала рядом со мной на земле такая белая-белая, а за ней, в пространстве, кружилась что-то страшное, виденное мною в первый день моей жизни. И опять меня объял смертельный страх, и я начал со всей силы своей кричать. Тогда это что-то, неизвестное, серое, начало приближаться ко мне. И я услышал, как в моих жилах леденела кровь и как дергалось в груди сердце. А серая масса остановилась возле меня и начала наклоняться надо мною, и тогда я увидел и запомнил на всю свою жизнь два серо-стальных плохих глаза. Не знаю, что со мной случилось бы, если бы в этот момент не пришли люди, которые подняли, накормили и успокоили меня и положил в постель мою мать.

После этого я всегда начинал изо всех сил кричать, когда вспоминались мне эти два глаз. Иногда, бывало, проснусь я среди ночи, и мне вспомнятся те злые глаза, и я со страхом начинаю метаться по постели, как в беспамятстве. Мать зажжёт свет, встанут все в доме, а я кричу и не даюсь взять на руки, потому что мне страшно, страшно. И только обессиливши от плача, я засыпал и забывал о мучившем меня страхе.

Когда подрос и начал понимать смысл рассказанных мне сказок, то всех страшных сказочных лиц: и Ягу Бабу с костяной ногой, и чародеев, обращенных в оборотней, и семиглавого змея я всегда представлял себе с теми серыми страшными глазами и, ложась спать, прятал голову под подушку.

Когда я вырос, то также боялся тех страшных глаз. Мне казалось всегда, что я их где-то должен встретить, и тогда в жизни моей наступит какой-то крутой и страшный поворот. На людных собраниях, на балах и в толпе на улице я заглядывал всем в глаза и с трепетом в душе ожидал, что — вот-вот — увижу их и встану на краю какой-то пропасти, на пороге чего-то страшного, неизвестного. Тоже самое творилось со мной, когда я пересматривал галереи икон и иллюстрированные книжки. Я набирал из разных библиотек целые груды и, переворачивая, с затаённым в душе страхом искал те глаза, но тщетно.

Раз, проходя толкучим рынком, я увидел на дверях одной лихой лавки небольшой, рисованный на полотне портрет молодой женщины. Одета она была в голубой атласный халат и опоясана толстым шелковым шнуром с голубыми кистями. За шнурком, с левой стороны, была заткнута красного цвета гвоздика. Я всегда считал национальным белорусским цветком красные гвоздики и ради этого купил портрет. Когда, придя домой, я повесил на стене портрет и вгляделся в лицо незнакомой красавицы, то замер от страха: с румяного молодого личика, окруженного характерными локонами времен Наполеона I, на меня смотрела пара злых серых глаз. Тех самых серых глаз, которые я искал и боялся.

И я сорвал со стены портрет, облили бензином и, подпалив, бросил в печь.

Было тогда восемь часов вечера.

А на следующее утро, в 11 часов, мне подали телеграмму, что мать моя вчера в 8-м часу отдала Богу душу свою.

Женившись, я подзабыл понемногу преследовавшие меня злые глаза, так как чаще заглядывал в глаза своей любимой жены. На

третий год совместной жизни Бог наградила нас сыном, и мы лучшие дни нашей жизни проводили около его колыбельки. Было ему уже 8 месяцев, когда заболел он брюшным тифом. Мы с женой с затаённым дыханием в груди по очереди сидели день и ночь над колыбелью, вглядываясь, как он боролся со смертью. В критическую ночь кризиса болезни я сидел возле колыбели. Бессонные ночи, натянутые долгое время нервы вместе сложились в то, что я задремал, сидя. Разбудили меня какой-то льдисто-студеный сквозняк и шорох. Я открыл глаза и увидел, как от колыбели моего ребенка отходит какая-то одетая в черное, стройная, высокая женщина. Дойдя до двери, она обернулась через плечо на меня, и я узнал ее. Это была та самая молодая особа из сожженного мною портрета. Я вскочил на мягкие ноги и бросился к двери, а затем в темную комнату, куда она пошла, но нигде никого не нашел. Вернулся я обратно и, ведомый дурным предчувствием, бросился к коляске, но ребенок в ней спал крепким сном, после долгих дней, первый раз, спокойно отдыхающий. На следующий день кризис болезни прошел, и ребенок быстро пошло на поправку.

Отныне каждую мою неудачу, каждое мое несчастье предвещал сон, в котором я в той или иной комбинации видел эти злые глаза и, что поразительнее, на другой день, как правило, я видел в своих собственных глазах характерный злой блеск, и страшно становилось мне себя самого. Но хуже всего та уверенность, что рано или поздно я должен встретить в своей жизни живого человека с такими глазами и что мне нужно будет с ним вместе жить. Даже больше: я уже знаю этого человека, встречался и говорю с ним, но боюсь взглянуть в его глаза. Я еще не видел их и пока не видел их — он не имеет надо мной силу, но с того момента, когда я гляну ему в глаза, — я пропал.

Я несколько лет убежал от него в далекие города, и всегда он вслед за мной оказывался там же, находил и сердечно

приветствовал меня, пока я в конце не потерял надежды избавиться от нее.

Не верьте мне. Я лгу вам, говоря: «он», «его», так как подлый страх не позволяет сказать мне, что это «она», она, та со сожженного мной портрета. Каждый вечер она сидит при мне с красной гвоздикой в руках и говорит мне о своей любви, и в голосе ее слышно слезы. Она плачет, что я не замечаю ее, и называет меня ласковыми именами, а я дрожу от страха, прячу глаза, и передо мной живым видением стоит день моего рождения: и вижу кровь на груди своей матери и кровь в горле своем и, грубо отпихивая ее от себя, убегая, зная, что она опять придет и будет называть меня ласковыми именами, будет укоряться передо мной и плакать! ..

Боже, пошли мне силу и силу!

КАМЕННЫЙ ГРОБ

Недалеко от Дисны, с правой стороны тракта, что идет от Дисны на Германовичи, проезжая, увидишь крутую горку, заросшую лесом. Горка это окружена топким маленьким болотцем, а на верху ее, на самом макушке, лежит громадный каменный гроб. Зачем, кто и на какую память положил там этот, гроб, история не знает, но народные сказания передают из поколения в поколение следующую повесть.

Когда-то-то давным-давно на горке стояли великолепные чертоги богатых бояр Немировых. Чертоги были окружены дубовым частоколом и опоясаны кругом водой. Славилась между врагов недоступное немировское гнездо, а еще больше их родовая военная слава непримиримых воинов, прославившихся неисчислимыми победами на полях сражений. В оружейной горнице немировских в здешних хорах на почетном месте висел кованный, покрытый чистым золотом щит и двуручных обоюдоострый меч славного Грымона-Немиры, участника Олеговаго похода на греков. В княжеском совете, в Полоцком замке, старший рода Немирова заседал одесную князя, на первом месте. Такой-то был род Немиров.

Да только нынешний потомок, угрюмый Бутрим, унизил славу рода своего. Не победами в сражениях с врагами умножал он свое богатство, а разбоями и обидой подневольного люда. Глубокие подвалы наполнены были людьми, закованными в дыбы, которых собственными руками любил пытать Бутрим. Проходя мимо немировского двора, часто слышали люди стоны и плач, а временами волны окружающего чертоги озера выбрасывали на берег куски человеческого тела, да не раз девичьего.

Трудно жилось в угрюмых немировских чертогах Бутрымовой жене, прекрасной пани Мары, и она поверенным дум своих и печалей сделала молодого боярича Ставра Ромашкова. Однажды в майскую ночь прекрасную паню Мару особенно острая жалость разобрала на свою несчастную долю, и она, в садике стоя, наклонившись на плечо боярича Ставра, горько заплакала. В этот момент в садик вошел боярин Бутрим. Грозно он бросил взгляд на жену и на молодого боярича. Молча остановился, хлопнул в ладоши и стрельцам своим, когда они на клич его явились, — сказал угрюмо боярин:

— Нынче у нас здесь будет громкий банкет. Распалите смолистые лучины, ставьте столы тисовые, налейте меда и вин заморских полные ведра и позовите скрипача моего.

Мигом слуги поставила столы, а возле столов дубовые скамьи, обитые медвежьими шкурами, а для боярина и боярыни поставили два глубокие, у греков прадедами добытые, обитые золотом кресла. Смолистые лучины ярко освещали сад. Скрипач со скрипкой стоял наготове. Боярин подошел к скрипачу, взял из рук его скрипку, коснулся рукой струны и сорвал, тронул другую - и сорвал. И так до последней.

— Плохие у тебя, молодец, струны! - сказал боярин. — А я хочу нынче музыку полною, громкою! Эй, мои верные стрельцы-соратники, Станько, Гойнич и Резан, возьмите вот этого соседа моего, Ромашковича, за белые плечи и сделайте к банкету струн! А ты, красна пани, жена моя садись рядом со мной в золотое кресло и, пока слуги мои сматают материал на струны, на ту вон белу яблоньку, будешь пить со мной, справляя тризну по гладкому бояричу.

Страшные даже в Бутрымовой дружине Станько, Гойнич и Резан, сверкнув залитыми кровью глазами, принялись за кровавое дело: повалили боярича на землю, вспороли живот и после, вода вокруг яблони — той самой яблони, под которой полчаса назад он стоял с прекрасной паняй Марой, — наматывали на пень струны.

Не прошло и часа, как струны были промыты, скручены, просушены на огне и натянут на скрипку. Музыка заиграл веселую застольную песню, но ни песни той, ни голоса скрипки не слышала прекрасная пани Мара. Бледная, она спокойно спала в кресле сном вечным, сердце ее не выдержало мужнего банкетного угощения и разорвалась. Только боярин до восхода солнца с дружиной продолжал тризну над молодыми покойниками, слушая плач скрипки и заливая совесть вином.

Много таких и тому подобных дел имел на совести боярин Бутрим и не унимался в лиходействе своём.

Тем временем проходили годы за годами, а с ними наступила одинокая, угрюмая старость. И раз за разом всё чаще к боярину стали приходить воспоминания, а вместе с ними покаяние и боязнь суда Божия. В такие моменты боярин Бутрим или доставал с полки, дедовской рукой, на пергаменте, глаголицкими буквами писанный псалтырь и читал его, проливая слезы и отбивая поклоны, или убегал из дома и шел на святые места, ища себе отпущения грехов при исповеди, или хотя бы наказания. Да только ни один духовник, выслушав кровавые события жизни его, не решался дать ему отпущение грехов. И много воды пронесла Двина мимо песчаной боровой пустыни, в которой жил святой старец Ахрем, пока попал туда наш боярин.

Старец Ахрем, выслушав исповедь боярина, дал ему такую совет:

— Велики грехи твои, раб Божий, но милость Божия большое и мудры помышления Его. Возьми все свое состояние, — наставлял отшельник, — построй храм Богу. Пусть от всего имущества, твоего останется тебе всего столько денег, сколько надобно, чтобы сделать сосновый гроб. И за тот остаток сделай себе гроб. А когда будут освещать твою святыню, поставь свой гроб за алтарем и ляг в него. И лежи в гробу до конца обряда святого, мессы Божией. Может, Бог пошлет тебе прощение свое, пошлет тебе спасение.

И вот стал распродавать боярин Бутрим имущество своё, и сокровища свои. За неисчислимое богатство начал строить храм Богу. Построил и украсил богато за все сокровища свои, а за последние медяки сделал себе сосновый гроб.

В день рукоположения святыни лег боярин в гроб за алтарем и молился Богу. Началась святая служба. Сквозь мысли боярина стали протекать живыми образами все его кровавые и слезные дела. И стали проходить пред ним обиженные им люди. И каждый становился перед ним и горько бросал ему свою обиду. Но боярин бил в грудь перед каждым и говорил:

— Господи, милостив будь, мне грешному! А ты, обиженный мной брат, прости меня! ..

И отходили длинными рядами обиды от него успокоенные. Уже заканчивалась святая служба, и процессия со всем народом вышла крестным ходом вокруг храма.

И отступили все обиженные от боярина. Встал вокруг него цветущий сад, и обняла его майское ночь. И видит он возле себя яблоню, покрытую цветами, а под яблоней жену свою Мару и Ставра, боярича молодого. Он — сияющий, задумчивый — смотрит в небо на звезды, а она, склонивши ему на плечо головку, роняет искрящиеся слезы ... И забыл боярин об раскаянье своем: в сердца шевельнулся раздавленный змей злобы. И хотя ударил боярин в грудь и произнес:

— Господи, милостив будь мне грешному! — но не мог смириться перед ними и просить прощения. Видение исчезло. Боярин услышал благочестивые пение народа и духовенства за стенами храма, а через минуту опять увидел сад и этих двоих. И снова он ударил в грудь и молил Бога и не мог смириться с ними. И третий раз перед глазами души его явились они, и третий раз он не покорился.

В этот момент застучала, загремела, расступилась земля, и провалилась в бездну святыни. Остался только народ, да на том месте, где был алтарь, теперь лежал каменный гроб. Это был тот

самый гроб, в который лег боярин, да только он теперь обернулся в камень.

И до сих пор на вершине горки лежит тот каменный гроб, а в нем застывший боярин Бутрим Немиров, приговоренный до судного дня лежать за то, что в момент чистого прозрения не смог простить жене своей перед судом Божьим.

ЮГА И ГРОМОВИК

Годков тому десятка два будет, когда в деревню Денисова пришла, как-то раз после Дмитревских дедов, толстая баба. Туда-сюда повертелась по деревне и шасть к Прохору в дом, да и говорит:

— Я не здешняя, но слышала о вас, что человек хороший, и пришла попроситься на постой. Стоить я вам ничего не буду, вы ещё на мене и заработаете, если за мои деньги будете кормить меня.

Прохор подумал, посоветовался с женой и принял эту неизвестную бабу к себе в дом.

Баба сразу дала Прохор сотню рублей «на руку». Прохор дождался вечера и пошел спать.

На другой день, проснувшись, садится семья завтракать, осмотрелась, а четырех буханок хлеба, что были в истопке, и в помине нет. Так же неизвестно куда исчезло два сыры и целый свиной окорок. В доме, конечно, шум поднялся, потому что все думали, что ночью вор влез в истопку. Тут просыпается новопринятая жиличка и говорит:

— Успокойтесь, хозяева, это я ночью ужинала. — повернулась к стене и захрапела.

Все только переглянулись между собой, покачали молча головами и стали ждать, что дальше будет.

Хлеб тогда дешевый был, так что Прохору? Лишь бы только деньги! А баба не жалела деньги. Прохор только то и делал, что скупал по всей окрестности зерно, мясо и всякие другие припасы и кормил свою жиличку. Так, дождавшись Рождества, Прохор выкупил уже все продукты в своей окрестности и около Запуста и

должен был ездить с подводой за продовольствием аж под Задорожье, Друю и под Глубокое.

А зима наступила сердитая: изо дня в день трескучие морозы. Старые люди не помнили такой студеной. На Пасху и то еще зима не унималась: снега на полях лежали сугробами и реки стояли. На Радунцу люди на кладбище ходили поминать Дедов по снегу и в козухах.

И хотя у Прохора денег на закупку припасов было сколько нужно, но покупать каждый раз было всё тяжелее. Страх его обьял, что это за прожорливая баба появилась у него.

Так размышляя, едет он германовским трактом на Погост, и как раз в Падорской пуще лошади остановились и не идут дальше.

Он их вожжами и кнутом, а те ни с места! Вылез Прохор с саней и подошел по дороге посмотреть, — упаси Боже — не волчья ли стая преградила ему дорогу. Только он это отошел на пару шагов, как видит: выезжает из леса какой-то молодой человек на белом коне. И человек, и конь в золотых доспехах, аж мигает в глазах. Прохор так испугался, что не мог сдвинуться с места, а незнакомый рыцарь подъехал к нему и говорит:

— Не бойся меня, Прохор, я - Громовик, приятель и покровитель людей и враг их врагов. Баба, что у тебя живет, непростая. Это Баба-Юга, она по ночам в железной ступе ездит и холод на землю нагоняет, а метлой из туч снега стряхивает. Ты должен помочь мне убить ее, иначе совсем лето в мире не наступит, и народ весь вымрет от голода и холода. Но пока она в людской избе, или в ступе своей разъезжает, я не могу убить ее. Ты должен заставить ее выйти днем белым на безлюдную воду.

Прохор обещал все сделать, чтобы помочь свести ее со света. Завернул своих лошади и, приехав домой, говорит бабе:

— Худо, бабка, ни где уже никаких припасов нет. Всю околицу перетряс и не купил ничего. Пытаюсь я хотя-бы созвать людей и забросить сети в озеро, может хоть рыбы добудем.

Созвал Прохор людей из своей и соседних деревень, и целый день рубили проруби, пока не осел лед. Забросили невод под лед, и Прохор пошел к бабе.

— Бабушка, — говорит, — мы забросили невод, но не нет сил вытащить его, по-видимому, рыбы набралось много, не поможешь нам?

— А не мокро там? — спрашивает женщина.

— Эх, где там, сухо! Пацаны немного около полыней наплюхали, а так сухо.

Баба туда-сюда покрутилась по дому, облизалась и говорит:

— А не пасмурно на дворе?

— Нет, где же там, сама видишь — солнце светит.

Только баба дошла до середины озера, как на небе показалась маленькая тучка. Когда начали тянуть невод и от него полилась вода по льду, баба, взглянув вверх на тучку, крикнула истошно и, бросив невод, бросилась бежать к берегу.

Тут разорвалась туча, и из нее вылетел всадник с золотым оружием на белом коне и преградил бабе дорогу. Всадник был такой блестящий, что на него даже смотреть больно было.

Увидев всадника, баба превратилась в громадную змеюку, но не успела она и трижды опрокинуться, как сияющий всадник всадил ей в горло конец своего копья.

Змеюка скорчилась, сморщилась и рассыпалась в пепел.

Наутро после этого ударило такое тепло, что снега растаяли, забурлила вода в ручьях и реках, а на третий день люди уже выехали в поле с сохами.

ДРАКОН

Нету, говорите, драконов? Как-это нет ?! Есть. Наверняка есть ... Но откуда они, говорите, берутся? Ага. Пустое ... Не то что люди знающие, опытные, но каждый сопляк тебе в деревне скажет, как выводится дракон, который добро и деньги таскает своему хозяину.

Вот, например, кому не ведомо, что старый Грынец отпаивает в амбаре парным молоком своего дракона? Так посмотри, как он богат!

Что? Ум? Работа ?! Да ты, соколе, работай, хоть надорвись, а если тебе не идет в руку — все равно ничего не будет. А наш Грынец и к работе ленив, и чарки не чурается, а в кармане у него всегда не менее трех рублей бренчит. А зайдя в дом, круглый год у него на столе хлеб найдешь. И то же хлеб !! Ни тебе в нем пылинки, ни соринки: из чистой, как золотце, пшеницы! вот тебе! Что касается рублей тех Грынцовых, то правда, люди разное болтают. Кто его знает ... может, и правда, что склютавые они, фармазонские.

Смешной вы, панич, говорить с тобой, что с детём. Склют, это такой рубль, который не идет из рук: сколько ни меняй его, он снова к хозяину в карман возвращается. Но об этом когда-нибудь позже расскажу.

Ты вот говоришь, что дракона никто не видел. Да я сам видел и не раз, не два. Сядь ты, соколе, осенью ночью у окна, посмотри вверх, и ручаюсь, что увидишь, как шныряют драконы по небу, только светлые полосы рисуются. Почему весной и летом не летают? Как не летают? Летают. А только не видно, так как редко летают; пусто кругом, что от кого он возьмет весной или летом? А осенью — другое: и самый худший харляк какое-нибудь добро у себя прячет. Разве мало кто своими глазами видел этого Грыневого

дракона, как он летел, свистя в воздухе, прямёхонько в его амбар. Карта карте пересказывает, что если желтым светом след светится, то это он золото тащит, а если белым - то серебро. Гринев дракон белёсый, так как серебро носит. Нет, склюты ему не нужны! Он и так богатей. Грынёв никакосеньки к себе в амбар не пускает, это потому, что в сусеках у него деньги понасыпаны.

Говоришь, барин, земли у него больше, чем у нас, целая волока неделенная, а мы только по четверти да по шестой имеем. Это не то. Нет, и с волоки богат не будешь, если нет от «того» подмоги. Вон у Матуза, в Новоселках, и земли волока, и семья своя большая, а деньги нет.

Так нет же, не лентяй, не дай Бог! И не пьяница. Ну, бывает, выпьет рюмку на праздник, но нет, не пьяница он. Это, паничек, потому, что у него злыдни завелись. И у нас у всех злыдни в домах водятся. А Грынёв вывел их у себя, вырастив дракона.

Почему мы не растим себе драконов? Трудно это. Я сам пробовал, но ничего не вышло.

Как это было? А вот как. На это нужно иметь прежде всего черного петуха. Чтобы вырастить его, я выменял у Цитовича шесть яиц, у него все куры черные. Ой, этот человек «знающий»! .. Посадил я это курицу на яйца, и правда, вылупились два черных петушки. Одного из них, получше, на племя оставил, а другой — Бэрцы на шабаш продал. Шесть лет был, падла, петух как петух, а на седьмой квохтать курицей начал, но ничего. Яичко такое маленькое, как голубиное, снес.

Э, паничек, байки! Я же говорю, что петух снес яйцо, а не курица. Каждый петух на седьмом году жизни яичко сносит, я же сам своими глазами видел: кругленькое, продолговатенькое, шилоносенькое. Совсем на курячье не похожее ... Вот тогда это яичко скорее я в мешочек да подвязал себе под мышку. Знал я, что три года его нужно под мышкой носить, и чтобы никто не подсмотрел. Носить очень неудобно, но, это, так себе: ко всему можно привыкнуть. А вот спрятаться от людских глаз, вот что

трудно. Соседей я не очень боялся: рубахи не снимал, в баню не ходил. Но как спрятаться от бабы ?! А Марыля мая любопытная баба - везде нос свой всунет ... Но ничего: поклялся я рубашки не снимать ни днем, ни ночью. Чтобы баба не терлась около меня, я летом спал в сарае на сене, а зимой в амбаре. Так три года я выносил петушиное яичко под мышкой, никому не показавши, ни сам ни разу не взглянув на него. Когда третий год прошел и ничего — дракона не вылупляется, — подумал я, что яйцо — было заморышем, может, надо посмотреть ... Но хорошо прислушавшись, слышу - под мышкой что-то тихонько как будто — тук, тук, тук! Ага, думаю, вылупляется мой дракон! Слабенький он, маленький будет, но я его молочком, медком отпою, конечно же, свою худобинку... Да не дал Бог и Венера Пречистая ... Святым днем было это. Проходил я мимо жита и, отобедав, шасть в сарай, поспать на праздник. Только это я сомкнул веки, как слышу, идет моя Марыля. Подкатилась ко мне и цап рукой за подмышку.

— Что это, — говорит, — у тебя? - Да дерг к себе мешочек тот, в котором было увязано яичко. Я здесь и вскипел весь от злости. Шутка, сколько лет муки, надежды моей! ..

— Да, чтоб ты провалилась! — говорю. Да в хвост ее и в гриву А она отвечает мне!

— Что ты, — говорит, - выродок, без причины бьешься! — Да вцепилась двумя руками мне в загривок. А Марыля мая — баба, что телка. Схватила да в ответ мне тумачи раздает. Здесь я от неожиданности и что-бы вырваться быстро повернулся и слышу - хрусь! — у меня под мышкой. И такой смрад пошел, серую и адом понесло, что у меня аж дух перехватило.

— Марыля! — кричу, — Марыля, лови: дракон вылупился! — А она так задохнулась смрадам тем, что так и покатилась кулём-нырком с сена вниз. Очнулась внизу и зовет:

— Тумаш, жив ли ты? Что это с тобой? То не желудок лопнул?

Я только проклял чертову бабу, и заглянул в мешочек. А оттуда адом несет, и ничего, кроме скорлупок и слизи, нету.

Так кто его знает, был дракон или нет?

А нет, панич, не куриное, а петушиное было яичко! Сам же я видел. Кто-же знает, может, это моя скотинка, мной так трудолюбиво высиженная, сейчас Грыню деньги таскает. Это вполне возможно. Почему же — от меня улетел, к нему пристал и служит ему.

Смешной вы, панич, - в книгах нигде об этом не читали! И не найдете в книгах. Про многое в книгах не пишут. Об этом спрашивай не книги, а людей знающих, тогда и узнаешь. О, много можно узнать про всякое разное, но не из книг только...

ДУДАРЬ

Умер старый Дударь, деревенский музыкант, и душа его, взяв дуду за пазуху, пошла в небо.

Подошел он в небо, смотрит: закрыто. «Ну, — думает, — спят». Сел на колодку у ворот и ждет дня. Долго сидел, и стало ему грустно. Достал из-за пазухи дуду, попробовал пищик и давай потихоньку играть. Сперва тихо, дальше посильнее, а там и подпевать начал.

Вдруг слышит голос из-за ворот:

— Кто там?

«Видимо, святой Петр», — подумал Дударь, но отвечает смело:

— Я!

— Кто — «я»?

— Дудар!

— Чего глотку дерешь?

— Совсем не деру — пою.

— Чтобы тебя. . . А почему же так поздно пришел?

— Никак нельзя было раньше: умер под самый вечер.

— Под вечер? — удивился за воротами. — Так по-хорошему тебе нужно было бы еще на половине пути быть.

— Да, святой Петр. Я рачительный — белорус, известно.

— А откуда ты? Из-под Борисова?

— С той стороны.

— А с какой деревни?

— Так хоть и скажу тебе, ты же все равно не знаешь.

— Говори, говори, я все знаю.

Назвал Дударь и деревню.

— Как твоё имя? - допрашивал далее голос.

— Янка.

— А по фамилии?

— Дударь.

— Ну, хорошо, Янка Дударь, пока рассветет, посиди у ворот да смотри не шуми здесь.

Стал Дударь дня ждать. Сидел, сидел, опять грустно стало, к тому же под утро холодом потянуло, хотя это и летом было. Снова достал он свою дуду, чуть-чуть наигрывает, чтобы за воротами не услышали.

Глядь — а на заборе какие-то головки показались—одна, вторая, третья. Ангелочки.

— Слушайте, слушайте, — говорит один, — как красиво играет!

Здесь уже Дударь не выдержал и начал играть во весь голос.

—Ах, как красиво! Вот хорошо! И что это за музыка такая? — удивится ангелочек.

— Это борисовская, — сказал Дударь.

Вдруг загремели ключи в замке и открылась ворота. В воротах стоял небесный Ключник, святой Петр.

—Дудар!

— Чего?

— Пойдем!

А по небу уже разошлась молва, что пришел музыкант из Беларуси и очень хорошо играет на дуде. Дошло это и до самого Бога, который, выйдя из покоев, сел на крыльце прохладиться: за работу не брался потому что, что воскресенье было.

Не успели Дударю квартиру назначить, как пришел к нему ангел, только не такой, как предыдущие — маленькие, в белых майках, с белыми крылышками, а большой, в серебряной одежде.

— Янка Дудар! — сказал посланник.

— Что, сударь? ..

— Правда, что ты умеешь играть?

— Правда!

— А сыграл бы?

— А почему же не сыграть! Перед кем?

— Перед Богом Святым!

Почесал Дударь затылок, да недолго думал. Борисовец был, а все борисовчане - народ смелый.

— Сыграю, - говорит.

— Ну, так пойдем! - говорит ангел.

Пошли. Ангел спереди, Янка сзади. Смотрит, удивляется.

С обеих сторон дороги серебряные дома, а живут в них святые. В конце улицы увидел самого Бога, который сидел на крыльце и ждал.

Дударь даликатненько поклонился — был он человек бывалый и знал, как где нужно притаится. Бог кивнул головой.

А кругом уже собрались ангелы — малые и великие, архангелы в золотых и серебряных одеждах, святые и просто так праведные души — мужики и бабы. Народу тьма, яблоку негде упасть, и все хотят послушать музыку.

— Ну, Дударь, — сказал Бог, — играй!

А Дударь вновь поклонился и говорит:

— Смиренно кланяюсь вельможному Пану Богу, и извините, что я спрошу: нет ли здесь на небе кого-нибудь из наших, борисовских, только чтобы из молодых?

— А зачем тебе?

— Под танцы играть ловчее.

Улыбнулся Бог и дал знак ангелам. Полетели двое, но вскоре вернулись, говорят:

— Нашли двух борисовчан, только очень старых.

— Старые не годятся, - сказал Дударь — не смогут станцевать. Извините, что спрошу: куда же делись молодые? И молодые же иногда умирают.

А святой Юрий на это говорит:

— Молодых надо в чистилище искать.

— А и правда, - сказал Дударь - не иначе, как в чистилище. Наверняка в чистилище. На моей памяти сколько этого народа перемерло: Никита Гарбуз - тот, что от водки задохнулся, Степан Крук из Докшиц, которому в корчме лоб разбили, Артем Шыка из-под Зембина и Антон Прычепка из-под Дядилавичей - хорошие танцоры были: прибили их на игрищах.

Дударь долго бы еще вычислял умерших молодыми борисовчан, но Бог кивнул рукой:

— Играй!

— Какую?

— А какая лучше. Веселую!

— Веселую, так веселую.

Настроил Дударь пищик, уж он надул мех, заиграл.

Хорошо или плохо играл он, не помнил этого, так захватило в него дух от радости, что стал достоин играть перед самим Богом. Только когда кончил, видит — Бог кивает головой: удовлетворен. А ангелы и святые, так те не нахвалятся:

— Ах, как хорошо! Во это хорошо!

И когда Бог пошел в свои покои, они стали просить дударя, чтобы еще поиграть. После спел. А музыкант и рад этому — играет и поет так, что по всему небу гул раздается. Слушали, слушали праведники, а дальше и сами начали подпевать — сначала в полголоса, а впоследствии и от дударя не отстают:

Ох ты, дудка моя,

ух-я!

Весели ты мяне,

ух-я!

На чужой стороне,

ух-я!

Поют всем небом, похлопывая в ладоши. Проходит мимо святой Иосиф. Смотрит, что за диво ?! Вместо архангела Гаврила, который обучал праведные души небесным песнопениям, сидит на

скамье Дударь с волынкой, а возле него души— мужские и женские — хором подпевают светские песни.

— Матушка Ты Святая! — крикнул святой Иосиф, схватился за голову, и побежал к святому Петру.

А туда как раз приходит и сам архангел Гавриил, и тоже жалуется.

— Так и так, — говорит. — Никто не хочет учиться небесным песнопениям, все поют белорусскую «дудку». Дударь учить. Что делать?

— Этого нельзя позволить, — говорит тогда святой Петр Архангелу Гавриилу. — Уж не позвать ли нам сюда дударя?

— Можно.

Идет Дударь, волынка под мышкой, поклонился.

— Дударь, — говорит святой Петр, — а не лучше ли было бы тебе пойти отсюда куда-нибудь в другое место?

— С неба?

— Ну конечно.

— А куда же мне идти?

— Хм, и вот ведь — куда? — Святой Петр задумался.

— Отчего же вы хотите, чтобы я отсюда ушел? Я ничего плохого здесь не сделал: не украл, не обидел ...

— Знаю, знаю. Дело, братец, вот какое, на небе светские песни начали петь, — сам ты рассуди — недостойно.

— Ну что ж, если так, то я пойду к себе.

— Только вот беда — куда тебя отправить?.. А может, дуду бросишь?

— Нет, лучше я уже пойду отсюда.

— Куда пойдешь?

— Я найду себе место. Пойду туда, откуда пришел.

— В Борисовщину?

— А то куда?

— А я думал на какую-либо звезду тебя послать.

— Зачем на звезду? Пойду в Борисовщину.

— Совсем из рая?

— Э ... что там рай? Наша Беларусь — это не небо. В Беларуси без песни нельзя. Там люди работают, а с песней человеку всякое горе в половину. Буду ходить со своей дудой по лесам и полям. Будет сидеть у скота пастушок с жалейкой, неслышно подойду к нему и сыграю ему над ухом; начнет петь девочка, задумавшись над светлым ручьем, научу и ее, — пусть не затихают в Беларуси песни. Пойдут мужья с топорами в лес, я притаюсь за соснами и сыграю им, чтобы лучше шла у них работа. А не найду людей, буду слушать, как шумит темный бор, как булькает вода, переливаясь в ручье, и подыграю им. Эх, трудно в нашей сторонке, но и хорошо в ней. Я еще, когда жил, так просил Бога, чтобы позволил мне по смерти в Борисовщине остаться. На никакой рай не променяю ее.

— Ну, хорошо, если так, ступай себе с Богом, — сказал святой Петр. — А то ты все небо нам попортишь. Только смотри не обижайся!

— Какая тут обида?

Поклонился Дударь апостолу и вышел из райских ворот на большую небесную дорогу.

Была ночь. Стал волынщик спускаться по Млечному пути вниз. А когда оказался на воле, крикнул:

— Эй, эй! - И начал дуть изо всех сил в дуду.

И так шел он, все ниже и ниже, спускаясь в борисовскую сторону, пока не скрылся в пуще.

Биография

ВАЦЛАВ ЛАСТОВСКИЙ

(1883 — 1938)

Вацлав Устинович Ластовский (08.11.1883, имение Колесники Дисненского уезда, ныне Глубокский р-н Витебской обл. - 23.01.1938), историк, этнограф, писатель, общественный и политический деятель. Академик Национальной академии наук Беларуси (1928).

С 1909 г. в редакции газеты "Наша ніва", в 1916-1917 гг. редактор газеты "Гоман", в 1918 г. журнала "Крывічанін" (Вильно). В 1923-1927 гг. редактор журнала "Крывіч" (Ковно). В 1919-1923 гг. возглавлял Раду министров Белорусской Народной Республики. В 1920-1926 гг. в эмиграции. С 1927 г. директор Белорусского государственного музея, в 1929 г. непремный секретарь Белорусской академии наук, заведующий кафедрой этнографии. В 1930 г. осужден на 5 лет высылки в Саратов и лишен звания академика. Повторно арестован в 1937 г. и приговорен к исключительной мере наказания. Реабилитирован по первому приговору в 1958 г., по второму приговору в 1988 г. Восстановлен в звании академика в 1990 г.

Автор работ по истории Беларуси, словарей. Опубликовал ряд рассказов и повестей.

Основные труды:

1. Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік. Коўна: Друк. А.Бака, 1924.
2. Кароткая гісторыя Беларусі. Мн.: Універсітэцкае, 1993.
3. Выбраныя творы. Мн.: Беларускі кнігазбор, 1997.
4. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Мн.: Мастацкая літаратура, 2012.

Бібліяграфія

Вацлаў Ластоўскі. Выбраныя творы. Мн.: Беларускі кнігазбор, 1997.

Перевод повести «Лабиринты» Евгения Рыбаченко

Переводы рассказов А. В. Левчика

На обложке фрагмент картины В. Д. Войтеховича «Лабиринт»

Оглавление

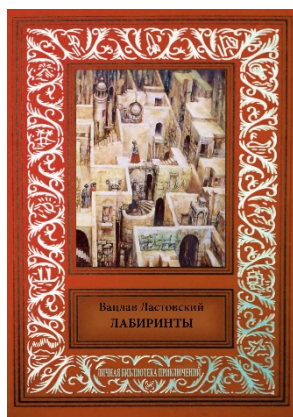
Лабиринты	4
Злые глаза	39
Каменный гроб	44
Юга и Громовик	49
Дракон	52
Дударь	56
Биография	62
Библиография издания	64

Электронное
литературно-художественное издание

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

XXXIX

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ • ФАНТАСТИКА

LEO

66